

Инна Александрова

Здесь всё – правда

A collage of historical war images. At the top, a black and white photograph shows soldiers running through a street in a destroyed city. Below that, a tank is shown in a similar setting. At the bottom, a ship is visible on the water. The entire collage is framed by a decorative border of purple and yellow flowers.

Инна Александрова

Здесь всё – правда

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300825
Здесь всё – правда.: Права человека; Москва; 2012
ISBN 978-5-7712-0435-3

Аннотация

Предлагаемые тексты, действительно, правда. Они написаны на основе воспоминаний или увиденного в окружающей жизни. Опубликованы в нью-йоркских журналах «Слово/Word» и «Острова» а также в электронном варианте в издательстве «Права человека». Инна Александрова – автор семи книг. Окончила Казанский университет. Филолог. Учительствовала, преподавала в пединституте, более тридцати лет проработала редактором. Прожила сложную жизнь: была репрессирована по политическим мотивам.

Содержание

Спорщики	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Инна Александрова

Здесь всё – правда

Спорщики

На дворе год тысяча девятьсот сорок четвертый. Еще идет война. Идут похорожки. Но мои герои не на фронте. Один – по возрасту, но оба – потому что сосланные. Сосланы сюда, в Кокчетав, в Северный Казахстан.

Анатолий Маркович Левин – высококвалифицированный токарь-фрезеровщик. Работает на кокчетавском механическом заводе. Сослали из Ленинграда осенью тридцать седьмого. Сослан как троцкист и не расстрелян, не растерт в лагерную пыль только потому, что участвовал в Гражданской войне и даже имел боевые награды. В ссылку с ним поехала и жена Эвелина – бухгалтер, красивая статная еврейская женщина. Она оберегает Толю от всех житейских невзгод. Сын Ленечка, в тридцать седьмом – пятнадцатилетний мальчик, остался в Ленинграде: учился в специальном техникуме для глухонемых. В войну его убило осколком снаряда на заводе, где работал тоже фрезеровщиком. Узнав об этом, Эвелина поседела за одну ночь.

Еще до войны, в тридцать восьмом, Левины купили саманный домик и сделали к нему пристройку. Анатолий Мар-

кович приходит поздно и очень вымотанный. Деньги, немалые, которые получает, даром не даются. Норму выполняет и перевыполняет.

Воскресенье – не всякое (в войну работали и по воскресеньям) посвящает чтению и походу в единственный в городе книжный магазин. Там оставляют ему книжки, которые могут заинтересовать. До войны книги присылал из Ленинграда и Ленечка. Потому к зиме сорок четвертого у Левиных – отменная библиотека.

Анатолий Маркович охотно дает нам читать: мы аккуратны. В качестве гостинца папа всегда несет ему четвертинку вишневой наливки, которую делает сам.

Когда бываем у Левиных, разговариваем очень сдержано: в пристройке живет Михал Михалыч Самсонов – высокий набрильянтиненный мужчина, сосланный из Ленинграда. Кто такой, не знаем. Эвелина пустила его только потому, что он – ленинградец. За что сослали, тоже не знаем, но то, что он стукач и сексот – сомнений нет. Да он этого и не скрывает, даже как-то выпячивает. Почему так делает – черт его знает. Может, специально. Скользкий тип. Я его очень боюсь. Появляется как кошка на мягких лапах в общей комнате, где мы сидим.

Мы тоже сосланные. Из-за отца. Из-за папиной немецкой фамилии. Из-за того, что в его паспорте в графе «национальность» стоит «немец», хотя немцем он никогда не был. Он – поляк. Мой дед, а его отец был варшавским мещанином, ве-

совым мастером. В конце девятнадцатого века, женившись на православной мещанке Паулине, приехал в Уфу, где получил подряд. Мастером был хорошим и скоро вылез из полуполземлянки в добротный деревянный дом. Здесь, в Уфе, родились и дети: Ванда, Эдвард, Бронислав и мой отец Александр. Бабушка умела только расписаться, но была очень красивой.

Отца крестили в римско-католическом костеле Уфы, о чем до сих пор хранится свидетельство. Восприемниками были Малиновские. Поляки. Но на все это наплевали, начхали, когда в тридцать четвертом в Казани, при первой паспортизации, отец получал документ. Фамилия немецкая – значит немец. Хотя Ванда, сестра, записалась русской. Она, правда, к тому времени уже была замужем и развелась, но оставила фамилию мужа – Борисова. Братья – Эдвард – умер еще до революции от туберкулеза, Бронислава мобилизовал Колчак, когда его армия стояла в Уфе.

Отец окончил Казанский университет по химическому факультету. Работал на заводах, а теперь в Кокчетаве заведует лабораторией на Североказахстанской гидрогеологической станции. Сам в экспедиции не ездит – «невыездной». Да и анализы надо делать в городе, где находится аппаратура. Геологи ищут воду, которая в казахстанской степи очень ценится. Папа любит и уважает бесшабашное геологическое племя, знает от них сотни песенок, прибауток, побасенок, анекдотов. А станцией заведует умница и шутник Герман

Альфредович Рейсгоф, настоящий немец, выпускник Московского университета. Ему по области ездить разрешается, и даже в Алма-Ату он выезжает с отчетами.

Время, о котором веду речь, – зима сорок четвертого. Еще идет война. А в область – Кокчетав стал областным центром – идут и идут эшелоны переселенцев с Кавказа: чеченцев и ингушей. Их выгружают из скотских вагонов и развозят по колхозам. Маме приходится бывать при выгрузке: страшно много больных. Да почти все. Без теплой одежды и горячей еды за долгий путь люди превращаются в головешки. Мама очень жалеет несчастных, но что может поделать: сама подневольная.

Мама – врач. В тридцать первом окончила Казанский университет. Окончила и ординатуру в Шамовской клинике. Только кому это нужно? Хотя нет: нужно. Людям нужно. Она и Дора Ароновна Нейман – единственные, к кому люди бегут за помощью, когда им плохо. На сопке есть еще двухэтажная деревянная больница, в которой царствует огромный усатый хирург Низамаев. Режет всех и всё. Не боится.

Мама – очень красивая. У нее, как говорят, лик Христа. Но она – хромая: врожденный вывих тазобедренного сустава. Ходит с палочкой. Поэтому ей дают лошадь с кошевкой. Утром лошадь подает конюх, вечером забирает. Днем мама ловко управляется сама.

Оршанская еврейка Белькинд, она в двадцать восьмом вышла замуж за отца и взяла его фамилию. Так что теперь и

ей в паспорт всобачили штамп: разрешается проживать только в городе Кокчетав. А еще их с отцом заставили подписать бумагу, в которой сказано, что выезд без разрешения за пределы города карается тридцатью годами каторги. Все это сволочество началось в сентябре сорок первого и продлится до января пятьдесят шестого, когда им дадут новые чистые паспорта. То есть за одно-единственное слово «немец» в паспорте отца они будут отбывать ссылку пятнадцать лет...

Ну да ладно. Все-таки не тюрьма, не лесоповал, не колония, а так называемое вольное поселение. И мы не голодаем. Кокчетав – не голодный город. Тот, кто работает и получает зарплату, – сыт. На рынок крестьяне привозят всё. Вот чеченцы и ингуши, не имея работы и денег, мрут как мухи. Но потом и они, оставшиеся в живых, как-то приспособливаются.

Мама лечит всех от всех болезней, и знает ее, как и Дору Ароновну, весь город. Частичка маминого уважения достается и мне. Я учусь в шестом классе. Только что исполнилось тринадцать. Девица – ничего себе: метр шестьдесят ростом. Утром свободно приношу с озера четыре ведра воды на коромысле. А это – километр в одну сторону. Для чая и еды воду поставляет отец: у них на «хитростанции» есть артезианская скважина. Но папа задыхается: у него большое сердце. Пилить-колоть дрова ему тоже трудно, и я стараюсь это делать сама, когда он не видит.

Мама выезжает из дома в семь утра, возвращается в во-

семь-девять вечера. Да и какой из нее работник физического труда! Калека... Но врач – первоклассный. В отличие от Доры ее очень любят. Дора – злая и берет взятки. Мама никогда ничего: ни деньгами, ни натурой. Мы живем на зарплату и вполне укладываемся.

Я тоже стараюсь не посрамить родителей: учусь на «отлично». Книгами снабжает дядя Толя. День занят полностью. Никаких развлечений, кроме хрипатой тарелки радио. Не выключаю, даже когда делаю уроки: вдруг передадут что-нибудь важное.

Единственное развлечение – встречи с Левиными: одно воскресенье – у нас, другое – у них. На стол выставляется все, что есть. И мама, и Эвелина пекут пироги с картошкой, морковью, капустой. Как уже говорила, у Левиных разговоры ведем осторожные: боимся Михал Михалыча, стукача и сексота. А в нашей барачной комнате никого не остерегаемся: барак сложен из толстых бревен. Комната угловая и соседям ничего не слышно. По крайней мере, мы их не слышим и думаем, что и они нас тоже. А разговоры ведутся такие, за которые сажают. Но не говорить мужчины не могут: должна же быть хоть какая-то отдушина...

Дядя Толя – троцкист. Он – за всемирную революцию. Ненавидит Сталина. Папа тоже не испытывает к вождю никакого почтения, но дядя Толя – абсолютно нетерпим.

– Нет, ты скажи, Анатолий, за что же так ненавидел уса́тый Троцкого?

– За что? Да за образованность, за интеллект, за талант оратора, за то Троцкий был символом победы революции, за умение убеждать людей, за то, что еврей...

Ведь смотри: к двадцать седьмому году у Троцкого было уже собрание сочинений. Двадцать один том. А что у Сталина? Брошюрки. Потом, много потом свои «Вопросы ленинизма» Сталин тоже содрал у Троцкого.

Ненавидел Сталин Троцкого за то, что тот, а не он был главным в Гражданской войне, за то, что Троцкий, а не он был человеком революции. Послереволюционная демагогия Троцкого мало интересовала. Троцкий, именно Троцкий возглавил Октябрьский переворот, а Сталин был в это время где-то на задворках.

Ленин был вдохновителем революции, Троцкий – возмутителем, Сталин – лишь техническим исполнителем. Потому Троцкий был так популярен.

Спроси свою жену Женю – она была тогда комсомолкой, – кто знал Сталина? Да, никто. Знали Ленина, знали Троцкого. Могло ли это не злить усатого?

Кто был сторонником создания настоящей регулярной армии, включая военспецов? Троцкий. Сталин довольствовался партизанщиной. Кого ценили в международном рабочем движении? Сталина? Да его и не знали. Знали Ленина и Троцкого. За широту взглядов, остроту ума. Кто знал иностранные языки? Сталин? Кто грабильской еще до революции занимался? Троцкий? Нет. Сталин устраивал в Тифлисе

всякие экспроприации, а по сути – ограбления.

Сталин не умел хорошо выступать перед людьми, боялся их. Троцкий, наоборот, лез в гуцу масс.

А разве не завидовал Сталин Троцкому потому, что Ленин лучше относился к Льву Давидовичу?

– Ты, Толя, так сладко поешь о своем кумире, что хоть венчик святого на голову и прямо в рай...

– Почему, Шура, сладко? Говорю правду. Как есть. Были, были, конечно, и у Льва Давидовича недостатки: и высокомерие, и заносчивость, и честолюбие, и категоричность, и нетерпимость. Он больше заботился об афористичности, образности, парадоксальности своих выступлений и писаний, но все это прощает главное: он горел революцией.

– Тогда скажи мне, дураку, Анатолий Маркович, почему не твой такой умный-разумный Лев Давидович, а Иосиф Виссарионович оказался на коне? Не знаешь... А я знаю. Потому что у Сталина были более изощренный ум и хитрость. По части хитрости усатый – сатана. Вот и обставил он твоего Троцкого, вот и дал ему коленом под зад так, что тот до самой Мексики долетел. А потом убил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.